

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1974

С.М.Прозоров

УЧЕНИЯ ШИИТОВ ОБ ИМАМАТЕ В ТРУДЕ
АЛ-ХАСАНА АН-НАУБАХТИ (конец IX в.)

В последнее время возрастающее внимание исламоведов и историков-арабистов привлекает сочинение крупного шиитского теолога конца IX в. ал-Хасана б. Мусы ан-Наубахти "Шиитские секты", впервые изданное Х.Риттером в 1831 г. в Стамбуле и переизданное в 1959 г. в Неджефе. Значение этого труда определяется прежде всего тем, что он является одним из самых ранних сохранившихся опытов изложения истории шиитского движения и его многочисленных сект. Сведения о ранней истории шиитов и об их учениях заимствованы автором из не дошедших до нас трудов его предшественников¹. Данные, приведенные у ан-Наубахти, о ранней истории шиитского движения позволяют судить об истоках религиозно-политических взглядов шиитов, а его информация о современных ему шиитских сектах и об их учениях освещает один из важнейших этапов на пути формирования шиитской религиозно-политической идеологии.

Возникшая во второй половине VII в. как политическая партия приверженцев 'Али, зятя Пророка и четвертого "праведного" халифа, шиитская оппозиция вела упорную вооруженную и идеологическую борьбу против династии "узурпаторов" — Омейядов за возвращение власти Алидам². Совместная борьба Алидов и Аббасидов (потомков ал-'Аббаса, дяди Пророка) в 20-30-х годах VIII в. завершилась в 749 г. свержением омейядской династии³.

Однако плодами этой длительной (почти столетней) и упорной борьбы воспользовались Аббасиды. С не меньшим ожесточением Алиды повели борьбу против недавних союзников — Аббасидов за возвращение власти в "семью Пророка", под которой они подразумевали только себя как его ближайших родственников.

Аббасидские халифы с самого начала своего правления были вынуждены принимать решительные меры для подавления непрекращавшихся выступлений Алидов, а порой и для физического уничтожения алидских претендентов. В этой же связи стоят их попытки обосновать в глазах общественного мнения законный характер своей власти и тем самым парализовать претензии Алидов ("реформа" халифа ал-Махди).

Все эти действия Аббасидов привели, по крайней мере в центре халифата, к разгрому Алидов как ведущей политической силы. Суннитское большинство халифата признало законность правления Аббасидов. К тому же, по мере численного роста алидских претендентов происходило дробление шиитского движения на множество группировок и сект, а борьба против Аббасидов, также родственников Пророка, сужала его социальную базу. Упрочение аббасидской династии лишало Алидов ближайших перспектив на вооруженное свержение Аббасидов, и энергия шиитской оппозиции неизбежно направляется на догматическую борьбу с ними, на выработку собственных религиозно-политических доктрин. Однако развитие социально-политических процессов в халифате, начало распада аббасидского государства на ряд независимых феодальных владений вскоре вновь открыли путь для выхода шиитского движения на политическую арену и придали этим доктринам вполне актуальное звучание.

В силу того что шиитское движение в центре халифата рано приняло характер скрытой оппозиции и не питало пока

реальных надежд на скорое свержение аббасидской династии, в его идеологическом арсенале прочное место заняли мессиянские идеи, вера в пришествие махди ка'има из дома Пророка, который поведет верующих "истинным путем" и установит на земле справедливость и процветание.

Популярность мессиянских идей, особенно в удаленных от центра провинциях халифата (например, Северная Африка, позднее - Египет), способствовала созданию напряженной атмосферы среди населения. Последнее обстоятельство придавало специфическую злободневность деятельности шиитских идеологов и пропагандистов и в конечном итоге облегчало создание на окраинах халифата ряда шиитских государств. Наибольший успех выпал, как известно, на долю Идрисидов в Марокко (789-926) и особенно Фатимидов в Египте (909-1171).

Но и в центре халифата, как оказалось, Аббасидам не удалось вырвать корни шиизма. Большинство кочевых племен Сирийской пустыни остались верными шиитскому знамени. В X-XI вв. значительные районы в Сирии и даже в Центральном Ираке оказались под властью шиитских династий (Хамданиды и Мазйадиды), а с середины X в. и сами аббасидские халифы вынуждены были терпеть власть и покровительство шиитской династии Буидов, пришедшей из Ирана.

Определяющее значение многообразных социально-политических предпосылок политических успехов шиитского движения в IX-X вв. не только не умаляет роли идеологической работы приверженцев шиитской доктрины, но, напротив, заставляет отнестись к ней с большим вниманием. Было бы ошибкой видеть в этой работе шиитских идеологов конца VIII-X вв. образец схоластических изысканий мусульманских теологов, столь хорошо знакомых по позднейшим трудам.

Разработка мессианских идей и учения об имамате, которому посвящена настоящая публикация, в значительной степени подготовила военно-политические победы движений этого периода, проходивших под шиитскими лозунгами.

Приспосабливаясь к новой внутривосточной обстановке в халифате, ранние теоретики шиизма в конечном итоге придали ему такую форму, в которой он нашел путь к сознанию многочисленных социальных группировок в мусульманской общине и стал идейным знаменем ряда крупных антиправительственных движений. Пример Фатимидов лишний раз показал тесную связь между деятельностью шиитских теоретиков Ирака и Сирии и военно-политическими успехами различных претендентов на власть.

Эти соображения и выводят, в частности, рассмотрение материалов труда ан-Наубахти из плоскости узко историко-литературных изысканий и связывают его с историей важнейших социально-политических событий в халифате второй половины VIII-начала X в. Эти материалы, впервые публикуемые на русском языке, не только приносят важные сведения о содержании учения об имамате, важнейшем элементе в системе религиозно-политических воззрений шиитов, не только дают представление о той форме его, в которую оно вылилось к концу IX в. в трудах крупнейших теоретиков и историков шиизма, но и позволяют проследить его связь с деятельностью конкретных шиитских сект.

В политическом отношении шиитское движение уже в середине VIII в. перестает быть единым. Естественно, что каждая отколовшаяся от шиитского потока группировка пыталась как-то обосновать свои действия и притязания и стремилась к выработке собственной системы религиозно-политических догм. Проблема права на верховную власть, с момента смерти про-

рока Мухаммада занимавшая умы мусульман, из области политической борьбы постепенно переносится также и в сферу догматических споров. В процессе этих полемико-догматических споров и под влиянием обширной религиозно-полемической литературы вырабатываются государственно-правовые и религиозные доктрины шиитов, формируется шиитское учение об имамате как верховной власти в мусульманском государстве и об имамах, носителях высшей духовной и светской власти в общине мусульман.

Различные этапы на пути формирования религиозно-политических взглядов шиитов нашли свое отражение в арабской литературе религиозно-политического и религиозно-полемического содержания, среди которой особого внимания заслуживает информация ан-Наубахти о воззрениях на имамат различных группировок современных автору шиитов (конец IX в.).

Значение сведений об учениях этих сект определяется прежде всего тем, что ан-Наубахти воспроизводит религиозно-политические представления своих современников. Излагая раннюю историю шиитских сект, ан-Наубахти приводит сведения своего источника только о наиболее известных группировках и сектах. Естественно, что его информация о современных ему учениях является более полной и в известном смысле более достоверной.

Шииты, в сознании которых идея наследственной передачи имамата стала твердым убеждением, растерялись перед фактом, что их имам умер, не оставив наследника, который управлял бы своей паствой в делах веры. Шиитская община осталась без духовного предводителя, и в результате она распалась на группировки, каждая из которых защищала свое учение как единственно правильный выход из сложившейся ситуации.

Ан-Наубахти говорит главным образом о так называемых умеренных шиитах, вероятно с конца IX в. ставших известными под общим названием "имамиты" и представлявших большинство населения Ирака и Ирана. Несмотря на догматические расхождения, имамиты к началу X в. смогли объединиться в идеологическом плане на основе признания двенадцати имамов и ожидания пришествия ка'има из рода пророка Мухаммада, в частности из потомства ал-Хасана б. 'Али.

Согласно ан-Наубахти, после смерти десятого шиитского имама 'Али б. Мухаммада в 254/868 г. основная масса его приверженцев признала имамат его сына, ал-Хасана ал-'Аскарри (одиннадцатый имам шиитов-имамитов). Но когда в 260/874 г. ал-Хасан скончался, "не оставив следа, так что неизвестен его очевидный потомок", как сообщает ан-Наубахти, среди его приверженцев возникли разногласия относительно наследника имамата, и в результате они распались на четырнадцать сект.

Четыре секты (из названных автором четырнадцати) по разным причинам признали имамат брата ал-Хасана, Джа'фара б. 'Али. Одни считали, что он стал имамом по завещанию своего отца (или завещанию своих братьев, ал-Хасана или Мухаммада). Другие (среди них, по утверждению автора, "законоведы, благочестивые и подвижники") считали, что передача имамата от брата к брату недопустима в случае, если умерший имам имел наследника "от плоти своей". Если же он скончался, не имея наследника, то имамат по необходимости переходит к его брату. На этом основании они признали законным имамат Джа'фара б. 'Али.

Приверженцы двух других сект, одна из которых признавала смерть ал-Хасана, другая - отрицала, сходились в том, что они ожидали возвращения ал-Хасана в качестве ка'има

махди⁴. А когда их спрашивали: как же можно совместить факт смерти имама ("кости такого-то уже сгнили") с ожиданием его возвращения, то они отвечали только, что земля не может оставаться без худжжи⁵, "обитающего на поверхности земли или скрытого".

Еще одна секта признавала достоверной смерть ал-Хасана и считала, что "Аллах, разгневавшись на людей, лишил их худжжи". Однако, если он пожелает, он пошлет "ка'има из рода Мухаммада"; а до пришествия ка'има "люди должны руководствоваться повелениями и запрещениями предшествовавших /имамов/", "знанием, которое досталось нам от них".

Три секты признали имамат сына ал-Хасана, Мухаммада, рожденного за два года ("за несколько лет до" или "через восемь месяцев после" смерти) до кончины ал-Хасана. Одни из них считали невозможным, чтобы имам, чьи повеления исполняются в соответствии с завещанием, скончался, не имея потомка. Другие считали недопустимым, чтобы имам скончался, не оставив наследника, "так что прекратился бы имамат и лишилась бы земля худжжи". Так или иначе они считали Мухаммада б. ал-Хасана скрытым имамом и ка'имом.

Особенно подробно ан-Наубахти излагает учение об имамате имамитов, которых он называет "истинными" шиитами, — одной из названных им четырнадцати сект. Имамиты не допускали передачу имамата от брата к брату (после ал-Хасана и ал-Хусайна) и считали, что худжжа должен быть из потомства ал-Хасана б. 'Али; смерть последнего они признавали, но считали, что у него есть наследник "от плоти его", который будет имамом после него еще до того, как станет "известным и очевидным его дело". Земля не может оставаться без худжжи (учение приверженцев других сект о том, что земля осталась

без хужжи, автор считает недопустимым), но появляться хужж-же или скрываться - решает Аллах. Никому из верующих не дозволено избирать имама по своему суждению - только Аллах "избирает, назначает и показывает его, когда пожелает". Нельзя упоминать об имени хужжи и спрашивать о месте его пребывания. Ан-Наубахти ссылается на практику предшествовавших имамов (Джа'фара ас-Садика и др.), запрещавших своим приверженцам называть себя по имени. Тем более недопустимо это, утверждает ан-Наубахти, "в наше время - при суровости преследований, несправедливости властей и ничтожности их внимания к правам подобных им".

Указания и завещания со стороны имамов становятся действительными при подтверждении их по крайней мере двумя свидетелями.

Таковы общие моменты учения об имамате ("ясный обязательный путь"), которого придерживаются, согласно ан-Наубахти, "истинные шииты-имамиты".

Анализ этих сведений ан-Наубахти показывает, что в результате длительной полемической борьбы и под влиянием религиозно-полемической литературы к концу IX в. вырабатывается особая система шиитских религиозно-политических догм и завершается ранний этап формирования шиитской религиозно-политической идеологии. Сам факт появления сочинения ан-Наубахти, рассматривающего историю шиитского движения как единый процесс, идеологической основой которого является система религиозно-политических и государственно-правовых догм, не был явлением случайным и исключительным. "Шиитские секты" явились естественным следствием формирования шиитской идеологии, выразителем и поборником которой выступил их автор, ал-Хасан б. Муса ан-Наубахти⁶.

х х х

Приверженцы ал-Хасана разделились после его /смерти/ на четырнадцать групп. Одна из них утверждала, что ал-Хасан б. 'Али жив, не умер, — только скрывается он; но он — ка'им, и невозможно, чтобы он умер, не оставив видимого потомка, ибо земля не может быть лишена имама. Имамат его непоколебим. Существует рассказ, что ка'им будет скрываться дважды. Это "скрывание" (гайба) — одно из двух, он обнаружится и будет узан, затем исчезнет во второй раз. В отношении ал-Хасана они высказывали некоторые взгляды "остановившихся" на /имамате/ Мусы б. Джа'фара. Когда же у них спрашивали: "Какая разница между вами и вакифитами ("остановившимися")?" — они отвечали, что вакифиты допустили ошибку, остановившись на /имамате/ Мусы (когда смерть его стала уже очевидной), потому что он умер, оставив живого преемника, которому он и завещал, это — ар-Рида — мир ему! — и кроме него он оставил /еще/ десяток с лишним сыновей. Каждый же имам, смерть которого стала очевидной, так же как была очевидной смерть его предков, и у которого имеется видимый известный преемник, есть, несомненно, мертвый. Ка'им махди, только на жизни которого допустимо остановиться, есть тот, смерть которого была очевидной /и который/ не оставил потомства, и его приверженцы вынуждены остановиться на нем до тех пор, пока он /сам/ не обнаружится. И так как недопустима смерть имама, не оставившего наследника, то стало истинным, что он скрывается.

Другая группа утверждала, что ал-Хасан б. 'Али умер, но /продолжал/ жить после своей смерти; он — ка'им махди. Поистине, мы рассказывали, что ка'им означает: "тот, кто поднимется после смерти, не имея потомства". А если бы у него было потомство, то стала бы истинной его смерть и невозможно было бы его возвращение, ибо имамат уже утверж-

ден за его преемником. И /если/ он никому не оставил завещания, то, несомненно, он - ка'им. Ал-Хасан б. 'Али действительно умер - нет сомнения в его смерти; у него нет ни потомства, ни наследника; он не оставил завещания, - раз нет завещания, то нет и исполнителя духовного завещания; и он действительно /продолжает/ жить после смерти. Мы уже рассказывали, что, когда предание о существовании ка'има доходило до людей, они спрашивали: "Как же может быть имамом такой-то, тогда как кости его уже сгнили, а /вы утверждаете, что/ он еще живой, скрывающийся, невидимый, но станет очевидным, чтобы управлять делами людей и наполнить землю справедливостью, как /прежде/ она была наполнена несправедливостью?!" - и они отвечали только, что он /продолжает/ жить после смерти, что он скрывается, опасаясь /за свою жизнь/. Потому что, по их мнению, недопустимо, чтобы земля была лишена худджи, обитающего на ее поверхности, справедливого, живого и очевидного или опасющегося /за жизнь/, скрытого, согласно преданию, передаваемому со слов 'Али б. Абу Талиба, который сказал в одной из своих проповедей: "О боже! Ты не оставишь землю без своего худджи, очевидного или скрытого, дабы не стали ложными твои доказательства и убедительные свидетельства". И это - доказательство того, что он /продолжает/ жить после своей смерти.

Наибольшее различие между этой и предшествовавшей сектой в том, что эта считала истинной смерть ал-Хасана б. 'Али, а первая утверждала, что он скрылся, будучи живым, и отрицала его смерть. Эта /секта/ также похожа на партию "остановившихся" (вакифа) на /имамате/ Мусы б. Джа'фара. И когда у них спрашивают: "Откуда вы это взяли и каковы ваши доказательства этому?" - они обращаются к разъяснению преданий.

Третья группа считала, что ал-Хасан б. 'Али скончался, имамом после него /стал/ его брат Джа'фар, которому оставил завешание ал-Хасан: от него Джа'фар принял имамат, от него имамат перешел к Джа'фару. И когда им говорили, что "ал-Хасан и Джа'фар в течение всей своей жизни не переставали избегать друг друга, ссориться и /даже/ враждовать между собой, и вы же знали действия Джа'фара по отношению к наследникам ал-Хасана, его плохое отношение к ал-Хасану при жизни последнего и к его наследникам после смерти ал-Хасана, при разделе его наследства", то они отвечали: "Между ними это /было/ только внешне. Внутренне же они были в добром согласии и проявляли друг к другу искреннюю любовь, - между ними не было противоречия; Джа'фар постоянно повиновался ал-Хасану и слушался его, и если проявлялось некоторое противоречие с его стороны, то /это/ - по повелению ал-Хасана. /Следовательно/, Джа'фар - исполнитель духовного завешания ал-Хасана, от которого и достался ему имамат".

Они обратились к некоторым учениям футхитов и утверждали, что Муса б. Джа'фар стал имамом только благодаря завешанию своего брата, 'Абдаллаха, - от него, а не от его отца перешел к Мусе имамат. Они признали и утвердили имамат 'Абдаллаха б. Джа'фара, /хотя прежде/ они отвергали и отрицали его, и сочли обязательным для себя предписание имамата /'Абдаллаха/, чтобы тем самым исправить свое учение. Их предводителем и поборником (да'и) этого /учения/ был один из теологов Куфы, которого звали 'Али б. ат-Тахи ал-Хаззаз; известный среди футхитов, он был из тех, кто поддерживал имамат Джа'фара и склонял к нему людей; он был теологом-полемистом, и в этом ему помогала сестра ал-Фариса б.Хатима б. Махвии ал-Казвини. Однако она не признавала

имамат ал-Хасана б. 'Али и утверждала, что Джа'фару завещал его отец, а не ал-Хасан.

Четвертая группа утверждала, что после ал-Хасана имамом /стал/ Джа'фар и что имамат перешел к нему от его отца, а не от его брата, Мухаммада, и не от ал-Хасана. Мухаммад не был имамом, так же как и ал-Хасан, потому что он умер еще при жизни своего отца, а ал-Хасан скончался, не оставив потомка. Ал-Хасан несправедливо притязал /на имамат/. Доказательством этому /служит/ то, что имам не может умереть, не оставив завещания и не имея наследника. Ал-Хасан же действительно скончался, не оставив ни исполнителя духовного завещания, ни потомка, - /поэтому/ его притязания на имамат несправедливы: не может быть имамом тот, кто не имеет наследника очевидного, известного, указанного. Недопустимо также, чтобы имамат принадлежал ал-Хасану и Джа'фару согласно высказыванию Абу 'Абдаллаха Джа'фара б. Мухаммада и других его предков - да благословит их Аллах: "Имамат не может принадлежать /последовательно/ двум братьям после ал-Хасана и ал-Хусайна". Это указывает нам на то, что имамат принадлежит Джа'фару и что он перешел к нему от отца его, а не от его братьев.

Что касается пятой группы, то она обратилась к признанию имамата Мухаммада б. 'Али, скончавшегося при жизни своего отца; она утверждала, что ал-Хасан и Джа'фар притязали на то, что им не принадлежало; что их отец ничем не указал на них относительно завещания и имамата, - об этом совсем ничего не передают с его слов, - и он не указал на них определенно ничем, что делало бы обязательным их имамат. Они оба не заслужили этого, в особенности Джа'фар, ибо он известен порицаемыми качествами, - недопустимо, чтобы справедливый имам обладал подобными качествами. А что касается

ал-Хасана, то он скончался, не имея потомка. "Мы знаем, что имамом был Мухаммад, на которого достоверно указал его отец. Ал-Хасан же скончался, не имея потомка, - недопустимо, чтобы имам умер, не оставив наследника. Далее, мы видим Джа'фара - при жизни ал-Хасана и после его смерти - явно порочным, не заботящимся о своей душе, известного послушанием. Это не является /надлежащими/ качествами того, кто годится для свидетельствования /даже/ на дирхам. Так как же он может годиться на место Пророка? Подлинно, Аллах, великий и славный, не предписывал принимать свидетельствование того, кто показал порочность и распутство. Так как же он может повелеть утвердить имамат за ним, /учитывая/ огромную важность имамата, его достоинство и потребность людей в нем? А так как имамат - путь, через который познается вера Аллаха и постигается его благорасположение, то как же можно допустить, что имамат принадлежит показывающему порочность? Проявление порочности недопустимо /даже/ ради предосторожности (такийя): это - недостойно премудрого /Аллаха/, и недопустимо, чтобы это приписывалось ему, благословенному и всевышнему. И когда мы убедились, что имамат не может принадлежать такому, как Джа'фар, и /что/ прекращается имамат того, кто не имеет наследника, то ничего не остается, как удовлетвориться имаматом Абу Джа'фара Мухаммада б. 'Али, их брата, /который/ проявлял только добродетель и воздержание и который имел потомка, обитающего, известного; и вместе с этим со стороны его отца /было/ высказано указание, подобное которому не может /считаться/ ложным. Неизбежно следует признать его имамат и что он - ка'им махди, или же совсем признать ложность имамата, /но/ это невозможно.

Шестая группа утверждала, что у ал-Хасана есть сын, которому он дал имя Мухаммад и на которого он указал /как на наследника/. И не так обстоит дело, как утверждают, будто он умер, не имея наследника. Как же может имам, имамат и завешание которого твердо установлены и в соответствии с этим осуществляются его повеления и /сам/ он известен среди знати и простонародья, скончаться, не имея наследника? Напротив, наследник его существует, и родился он за /несколько/ лет до его смерти. И они прервали имамат на нем и со смертью ал-Хасана. Имя его - Мухаммад. Они утверждали, что он - скрытый, невидимый, опасющийся Джа'фара и других своих врагов, что это - одно из его "скрываний" (гайба) и что он - ка'им махди; и /так как/ он был известен /еще/ при жизни своего отца, который определенно указал на него и у которого не было потомка, кроме него, то он - имам, нет сомнения в этом.

Седьмая группа утверждала: "Нет! От ал-Хасана родился сын через восемь месяцев после его /смерти/. И те, кто приписал ему сына /еще/ при жизни его, - обманщики и несправедливые в своем притязании. Ибо если бы это было /так/, то это бы не скрылось, как не скрылось другое. Однако ал-Хасан умер, в то время как ребенок от него /был еще/ неизвестен. И невозможно оспаривать подобное этому и отвергать видение воочию, разумное и общепризнанное. Беременность /его наложницы/ в прошлом была очевидной, непоколебимой, по мнению властей и всех людей, и из-за этого воздержались от раздела его наследства; /но/ после этого беременность оказалась, по мнению властей, ложной, и его дело стало тайным. А через восемь месяцев после смерти ал-Хасана от него действительно родился сын, которого он /еще прежде/ повелел назвать Мухаммадом и завещал это. Он - скрытый, невиди-

мый. Для доказательства возможности этого и в подтверждение этого они ссылались на предание, передаваемое со слов Абу-л-Хасана ар-Риды, который сказал: "Вы будете испытаны зародышем младенца в утробе его матери и грудным ребенком".

Восьмая группа утверждала, что ал-Хасан совсем не имел ребенка, "ибо мы это уже проверили и разыскивали его всеми путями, но не нашли. Если бы мы могли сказать относительно ал-Хасана, что у него есть скрытый ребенок, тогда как ал-Хасан действительно скончался, не имея ребенка, то подобное этому притязанию было бы допустимо относительно каждого умершего, не оставившего наследника; подобное этому было бы допустимо сказать относительно Пророка: он оставил сына после себя Пророком, посланником, и подобное же этому /было бы допустимо/ относительно 'Абдаллаха б. Джа'фара б. Мухаммада, - что он оставил после себя сына, и что Абу-л-Хасан ар-Рида оставил трех сыновей, помимо Абу Джа'фара, один из которых - имам. /Если/ следовать преданию о том, что ал-Хасан скончался, не имея потомка, подобно тому как следовать преданию о том, что Пророк не оставил мужского потомства от плоти своей, и /что/ 'Абдаллах б. Джа'фар не оставил сына, и /что/ ар-Рида не имел четырех сыновей, - то /рождение/ сына /ал-Хасана/ становится несомненно ложным. Однако беременность его наложницы была достоверной, и она родит сына, который /станет/ имамом, когда бы она ни родила. Ибо недопустимо, чтобы имам умер, не имея наследника, дабы не стал недействительным имамат и дабы не лишилась земля худжжи".

Сторонники /рождения/ ребенка протестовали против них и говорили: "Вы отрицаете у нас /тот/ факт, подобный которому сами признали; но вы не удовлетворились этим, пока не 7-1 534

добавили к нему то, что отрицает разум. Вы сказали, что беременность была /достоверной/. Если вы усердствовали в поисках ребенка, но не нашли его и поэтому вы отрицаете его, то наши поиски достоверности и подтверждения беременности были более энергичны, чем ваши, наши старания относительно этого были сильнее ваших усилий, и мы предельно глубоко изучали это и /также/ не нашли его, но мы более истинны в отношении ребенка, чем вы. Ибо разум, обычай и общепризнанность допускают, что у человека может быть ребенок, скрытый, неизвестный по внешности, который обнаружится после этого и происхождение которого станет достоверным. Положение, на которое вы претендуете, - порицаемое, мерзкое, его отрицает рассудок всякого разумного, его отвергают общее признание и обычай. К тому же относительно этого /имеются/ многочисленные достоверные предания со слов правдивых /имамов/: беременность не может длиться более девяти месяцев, в то время как минули уже годы /той/ беременности, о которой вы утверждаете. Подлинно, вы не имеете для ваших слов ни достоверности, ни убедительных доказательств".

Девятая группа утверждала, что смерть ал-Хасана б. 'Али, как и смерть его отца, деда и всех его предков, была достоверной согласно преданию, подобное которому не может считаться ложным. И так же достоверно, что после ал-Хасана нет имама, - это допустимо разумом и по общему признанию. Подобно тому как допускается, что пророчество прекращается и нет после Мухаммада пророка, так же допустимо, что прекращается имамат. Со слов правдивых /имамов/ передают, что земля лишается худжжи только /в том случае/, если Аллах разгневается на жителей земли за их ослушание, и /тогда/ он лишает их худжжи на /некоторое/ время, - Аллах, великий и славный, делает то, что захочет. Наши слова

не означают ложность имамата. Это допустимо также и в другом отношении, подобно тому как допустимо, что до Пророка в промежуток времени между ним и 'Исой не было ни пророка, ни исполнителя духовного завещания. И согласно преданиям, которые нам передали, между пророками /проходят/ промежутки времени (фатра), - /одни/ говорят триста лет, /другие/ - двести лет, - в течение которых нет ни пророков, ни исполнителей духовных завещаний. /Имам/ ас-Садик сказал, что фатра - это /промежуток/ времени, в течение которого нет ни посланника, ни имама.

Сейчас земля лишена худджи, однако, если пожелает Аллах, он пошлет ка'има из рода Мухаммада, чтобы оживить землю после того, как она /стала/ мертвой. Подобно тому как он послал Мухаммада во время перерыва (фатра) посланников, чтобы он обновил то, что исчезло из веры 'Исы и веры /других/ пророков до него, подобно этому будет послан ка'им, когда пожелает великий и славный /Аллах/. А до того как будет послан и станет очевидным ка'им, худжжей для нас /являются/ повеления и запрещения предшественников, знание, которое в наших руках и /которое/ досталось нам от них, и следование /повелениям/ предшествующего /имама/ вместе с признанием его смерти, подобно тому как до появления нашего Пророка худжжей для людей были повеления и запрещения 'Исы, знание, которое досталось от него и от исполнителей его духовного завещания, следование /по пути/ признания его пророчества и его смерти и признание тех исполнителей его духовного завещания, которые были очевидными.

Десятая группа утверждала, что Абу Джа'фар Мухаммад б. 'Али, умерший при жизни своего отца, стал имамом согласно завещанию его отца, который ясно и определенно указал на его имя и на него самого. Невозможно, чтобы имам, имамат кото-

7-2 534

рого был утвержден и достоверен, указал на инаимама. Когда же Мухаммад предстал перед смертью, он мог только оставить завешание, но не оставлять имама. Он не мог оставить завешание своему отцу, поскольку имама отца его утверждает его дедом; но он не мог также повелевать и запрещать вместе со своим отцом или поставить того, кто бы повелевал и делил власть с отцом, ибо имама отца его был утвержден только после смерти его отца. И когда ему ничего не осталось, как сделать завешание, он завещал молодому слуге своего отца, который прислуживал ему и которого звали Нафис, — по его мнению, Нафис был надежным, верным /человеком/. Он передал ему книги, знания, оружие и то, в чем нуждается община, и завещал ему передать все это его брату, Джа'фару, когда случится кончина отца, и никого, кроме отца, не извещать об этом. И сделал он это только для того, чтобы уменьшить подозрения и чтобы /никто/ об этом не знал.

Абу Джа'фар умер. Когда же люди его дома и приверженцы Абу Мухаммада ал-Хасана б. 'Али узнали историю Нафиса и прослышали о его деле, они позавидовали ему, стали враждовать с ним и причинять ему беды. Почувствовав такое /отношение/ с их стороны и опасаясь за себя и за то, что имама прекратится и пропадет завешание, Нафис призвал Джа'фара, вручил ему завешание и передал все то, что вверил ему на сохранение Абу Джа'фар Мухаммад б. 'Али, брат Джа'фара, умерший при жизни своего отца. Нафис передал ему завешание в соответствии с тем, что приказал Абу Джа'фар. Так же поступил ал-Хусайн б. 'Али б. Абу Талиб: когда он выступил в Куфу, он передал свои книги, завешание, оружие, которое у него было, и другие /вещи/ Умм Саламе, жене Пророка; все это он отдал ей на сохранение и приказал ей передать все это 'Али б. ал-Хусайну-младшему, когда он вернется в Медину. И когда

‘Али б. ал-Хусайн прибыл из Сирии к ней, все это она передала и вручила ему. В такой же степени это относится к имамату, /который/ принадлежит Джа‘фару согласно завещанию, /переданному/ ему Нафисом от /имени/ Мухаммада, брата Джа‘фара.

/Таким образом/, они не признали имамат ал-Хасана и заявили: ‘Отец его не завещал ему и не изменял своего завещания, /оставленного/ в пользу Мухаммада, своего сына”. По их мнению, это - правильно, и на этом основании они признали имамат Джа‘фара и оспаривали его /у других/.

Эта секта распускала усиленные слухи об Абу Мухаммаде ал-Хасане б. ‘Али, считая неверными его и тех, кто признавал его имамат; она придерживалась неумеренных взглядов относительно Джа‘фара, утверждала, что он - ка’им, и отдавала ему предпочтение перед ‘Али б. Абу Талибом - из-за этого она верила, что ка’им - наидостойнейший из людей после посланника Аллаха.

/Что касается/ Нафиса, то он был схвачен /однажды/ ночью и брошен в большой бассейн, полный воды, который был в его доме, и утоплен в нем.

Эта секта получила название “ан-нафисийа”.

Одиннадцатая группа. Когда у них спрашивали об этом и говорили им: “Что вы скажете относительно имама: это - Джа‘фар или /кто-либо/ другой?”, - они отвечали: “Мы не знаем, что сказать об этом: из потомства ли он ал-Хасана или /один/ из его братьев. Это дело /вызывает/ у нас сомнение. Мы говорим, что ал-Хасан был имамом и он действительно умер. Земля же не может быть лишена хужжи - /на этом/ мы оста- навливаемся и не осмеливаемся на что-либо /другое/, пока не станет для нас достоверным и ясным это дело”.

Двенадцатая группа, а это – имамиты, утверждала: "Не так обстоит дело, как утверждают все эти /люди/. Напротив, Аллах, великий и славный, имеет на земле худжду из потомства ал-Хасана б. 'Али. Повеление Аллаха – достигающее /цели/. Он – исполнитель духовного завешания своего отца согласно первоначальному образу действия и минувшим преданиям. После ал-Хасана и ал-Хусайна имамат не может принадлежать /последовательно/ двум братьям, это недопустимо. Имамат принадлежит только потомству ал-Хасана б. 'Али до тех пор, пока не окончится род человеческий: это неразрывно связано с повелениями Аллаха всевышнего. Даже если бы на земле остались /только/ два человека, то один из них был бы худжжей; и если бы один из них умер, то оставшийся был бы худжжей, пока продолжают существовать повеления и запреты Аллаха среди его созданий. /В то же время/ недопустимо, чтобы имамат принадлежал потомству того, за кем не был утвержден имамат. И необязательно поклоняться как худдже ни тому, кто умер при жизни своего отца, ни /тому, кто умер/ при жизни своего сына. Если бы /все/ это было допустимо, то были бы верными высказывания и учение /приверженцев/ Исма'ила б. Джа'фара, был бы утвержден имамат Мухаммада б. Джа'фара и были бы правы те, кто после смерти Джа'фара б. Мухаммада признавал его имамат".

То, что мы рассказали, передано со слов правдивых /имамов/, – относительно этого нет противоречий среди этой партии единомышленников и нет сомнения благодаря достоверности места и времени появления предания, надежности его и совершенству цепи его передатчиков.

Невозможно, чтобы земля оставалась без худджи: если бы земля осталась /без худджи/ на час, то она погрузилась бы /во мрак/ вместе с теми, кто /обитает/ на ней. Ничто не

допустимо из учений всех этих сект. Мы подчиняемся ал-Хасану и его имамату, признавая /достоверность/ его смерти, признавая, что у него есть наследник от плоти его и что этот наследник /будет/ имамом после него /еще/ до того, как станет известным и очевидным его дело, как стало очевидным и известным дело тех его предков, которые умерли до него. По-зволению на это дает Аллах, так как повеление принадлежит Аллаху: он делает то, что хочет, и приказывает то, что хочет, - появляться худжже или скрываться ему. Подобное же сказал повелитель верующих /‘Али б. Абу Талиб/: "О боже! Ты не оставишь землю без своего худжжи для созданий твоих, - очевидного, известного или опасующегося, скрытого, - дабы не стали ложными доказательство твое и твои убедительные свидетельства". Это нам заповедано и об этом сообщают нам достоверные предания со слов умерших имамов. Люди не должны обсуждать дела Аллаха, судить, не имея знаний, /и/ отыскивать следы того, что скрыто от них; нельзя упоминать его имя и спрашивать о месте его пребывания, пока не будет велено ему /обнаружиться/, так как он - мир ему! - /скрытый, как меч/, вложенный в ножны, опасующийся, защищенный покрывалом Аллаха всевышнего. Мы не должны обсуждать его дело; напротив, обсуждение этого и поиски его - /дело/ запретное, недозволенное и недопустимое, ибо выявление и обнаружение того, что скрыто от нас, /есть/ позволение /пролития/ его и нашей крови, а сокрытие этого и умалчивание о нем /есть/ помеха кровопролитию и защита от него. Ни нам, ни одному из верующих не дозволено избирать имама по /своему/ суждению и выбору; только Аллах назначает его для нас, избирает и показывает его, когда пожелает, ибо он лучше знает, /как/ управлять своими созданиями и /в чем/ их благо.

Имам – мир ему! – /так же/ лучше знает себя и свое время, чем мы.

Абу ‘Абдаллах ас-Садик, хотя дело его /было/ очевидным, местопребывание известно, родство не отвергалось, рождение не скрывалось и известность его /была/ распространенной среди знатных и простолюдинов, говорил: “Тот, кто назовет меня по имени, – /да будет/ проклятие Аллаха над ним!”. Даже если повстречается с ним человек из его приверженцев, он должен уклониться от него. Рассказывают с его слов, что один из его приверженцев повстречался с ним на дороге и уклонился от него, отказавшись приветствовать его. /Ас-Садик/ поблагодарил его за это, похвалил и сказал ему: “Однако такой-то повстречал меня и так хорошо меня приветствовал”, – и за это он сильно обругал его и обиделся на него.

Подобно этому дошли /до нас/ предания со слов Абу Ибрахима Мусы б. Джа‘фара, который запрещал называть его по имени. Абу-л-Хасан ар-Рида также говорил: “Если бы я знал, чего хотят от меня люди, я погубил бы свою душу, по моему мнению, тем, что не подкрепляет мою веру: игрой с голубями, петухами и подобными этому /вещами/”.

Как же допустимо это в наше время при суровости преследований, несправедливости властей и ничтожности их внимания к правам подобных им вместе с тем, что претерпел ал-Хасан от Салиха б. Васифа, от своего заточения? /Как же возможно/ называть по имени того, кто не сообщил ни о себе, ни о своем имени и рождение которого было скрытым?

Передают многочисленные предания, /согласно которым/ рождение ка’има скрыто от людей. Рассказ о нем излагается вкратце: известно только, что он не сможет исполнять /повеления Аллаха/, пока не станет очевидным; известно, что он –

имам, сын имама и исполнитель духовного завешания, сын завещателя, - его признают имамом / еще / до того, как он станет исполнять /повеления Аллаха/. Вместе с этим неизбежно, что в его дело посвящены его доверенные и доверенные его отца, хотя они и малочисленны, и /что/ не прекращается /имамат/ в потомстве ал-Хасана б. 'Али, пока продолжают повеления Аллаха, великого и славного, и не возвращается /имамат/ братьям, - это невозможно. Указание и завешание со стороны имама или кого-либо другого становятся действительными только по свидетельствованию по меньшей мере двух или более свидетелей.

Таковы учения об имамате и ясный обязательный путь, по которому продолжают следовать истинные шииты-имамиты.

Тринадцатая группа высказывала мнение, подобное /учению/ футхитов; среди них правоведы, благочестивые и подвижники, например 'Абдаллах б. Букайр б. А'йан и ему подобные. Они утверждали, что ал-Хасан б. 'Али скончался, что он был имамом после отца своего и что Джа'фар б. 'Али /стал/ после него имамом подобно тому, как Муса б. Джа'фар был имамом после 'Абдаллаха б. Джа'фара согласно преданию, в котором сообщается, что имамат принадлежит старшему в потомстве имама, когда /последний/ умрет. Передаваемое со слов ас-Садика предание о том, что имамат не может принадлежать /последовательно/ двум братьям, - истинно, иное недопустимо. Но это только /в том случае/, если умерший /имам/ имел наследника от плоти своей, - тогда имамат не переходит от него к его брату, а утверждается за его наследником. Если же он скончался, не имея наследника, то имамат по необходимости возвращается его брату. Таков, по их мнению, смысл этого предания.

Подобное этому утверждают, /ссылаясь/ на предание, в котором говорится, что имама может обмывать только имам, — по их мнению, это — верно, иное недопустимо. Они утверждают, что Джа'фара б. Мухаммада обмыл Муса, что повелел ему это 'Абдаллах, потому что он был имамом после Джа'фара; хотя допустимо, чтобы обмывал его не Муса, ибо он — "безмолвный" имам в присутствии 'Абдаллаха.

Это — "чистые" футхиты,¹ которые допускают, /что/ имамат может принадлежать /последовательно/ двум братьям, если старший из них не оставил наследником сына. По их мнению, имамом по необходимости /является/ Джа'фар б. 'Али согласно этому толкованию, этим преданиям и понятиям, которые мы описали.

Примечания

¹ В частности, в основу первой части труда ан-Наубахти положено сочинение крупного имамитского теолога второй половины II/УIII в. Хишама ибн ал-Хакама "Разногласия среди людей относительно имамата" (см.: W. Madelung, Bemerkungen zur imamitischen Firaq-Literatur, — «Islam», Bd 43, 1967, Н. 1-2, стр. 40).

² Обзор основных событий первого этапа борьбы Алидов за власть и их освещение в арабской историографии см.: E. L. Petersen, 'Ali and Mu'awiya in early Arabic tradition, Copenhagen, 1964.

³ Об этом подробнее см.: Cl. Cahen, Points de vue sur la «Revolution abbaside», — RH, fasc. 468, oct.-déc., 1963, стр. 295-338; S. Moscati, Il testamento di Abu Hasim, — RSO, vol. XXVII, fasc. I-IV, Roma, 1952, стр. 28-46; G. van Vloten, De Opkomst der Abbasiden in Chorasán, Leiden, 1890.

⁴ Термины шиитской догматики. Буквальный перевод: قائم (بامر الله) - 'исполнитель [повеления Аллаха]'; مهدي (في سبيل الله) - 'ведомый [путем божьим]'.

⁵ Буквальный перевод حجة (الله) - 'доказательство веры [Аллаха]'.

⁶ Приводимый ниже перевод сделан по тексту (стр. 79-94), изданному Х. Риттером («Die Sekten der Schi'a von al-Hasan ibn Musa an-Naubahiti», Istanbul, 1931), с учетом поправок и вариантов, предложенных восточным изданием ("Китāб фирақ аш-шй'а", та'лиф Аби Мухаммад ал-Хасан ибн Муса ан-Наубахти, ан-Наджаф, 1959).